

А. Л. Гумерова

ОТНОШЕНИЕ АЛЕШИ КАРАМАЗОВА К СТАРЦУ ЗОСИМЕ

Анализ на фоне библейских цитат

В произведениях Достоевского нет однозначных героев, все его персонажи находятся в пути — к Богу или, может быть, не к Богу. Б. П. Вышеславцев пишет об Алеше Карамазове (наряду с князем Мышкиным и старцем Зосимой) как о «вестнике из другого мира»¹. Однако по крайней мере об Алеше на протяжении всего романа «Братья Карамазовы» нельзя говорить как о таком положительно прекрасном герое, у которого уже все решено.

Наоборот, мы видим, как он идет к Богу через ряд испытаний. Мы помним о кризисе веры у Алеши Карамазова, о его «переломе и перевороте» (14; 297) после смерти старца Зосимы. Но, естественно, хочется понять глубинные причины этого перелома, понять, почему его постигло именно такое искушение, чтобы оценить по-настоящему и значение произошедшего с Алешей в главе «Кана Галилейская», когда «пал он на землю слабым юношей [!], а встал твердым на всю жизнь бойцом» (14; 328). И здесь для понимания пути Алеши будет значимо отношение его к старцу Зосиме, поскольку именно смерть старца Зосимы и «изошедший» от него «тлетворный дух» вызвали кризис веры юноши.

Цитаты из Священного Писания в романах Достоевского играют исключительно значимую роль. Зачастую они создают второй план, то есть своеобразный фон как для всего произведения, так и для отдельных сюжетных ходов, и в этом качестве могут служить средством авторской оценки. Поэтому, разумеется, чрезвычайно важно вычленивать и проанализировать библейские цитаты, которые возникают в контексте того или иного сюжетного положения. Я проанализирую две цитаты, которые создают фон для линии отношения Алеши Карамазова к старцу Зосиме. В обоих случаях это скрытые цитаты, то есть они никак не выделяются из окружающего текста.²

Объясняя привязанность Алеши к старцу, Достоевский говорит: «Может быть, на юношеское воображение Алеши сильно подействовала эта сила и слава, которая окружала беспрерывно его старца» (14; 28).

¹ Вышеславцев Б. П. Русская стихия у Достоевского. Берлин, 1923. С. 24.

² См. принципиальное положение О. Меерсон: «... чем „запрятаннее“ отсылка к библейскому источнику, тем она серьезнее, вплоть до богословского ключа к прочтению всего произведения» (Меерсон О. Библейские интертексты у Достоевского: кощунство или богословие любви? // Достоевский и мировая культура. М., 1999. № 12. С. 40).

Отметим эти слова — «сила и слава». Перед нами скрытая точная цитата из молитвы Господней: «Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь». Так заканчивается эта молитва в евангелии от Матфея (Мф. 6: 13). И этот же вариант вошел в текст литургии, где эти слова произносит священник после пения всего народа. «Сила и слава» несомненно являются атрибутами Бога. Так, например, в евангелии от Матфея, в повествовании о конце света говорится: «тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою (Мф. 24: 30)». Возможно, в Алешином воображении старцу усваиваются атрибуты Божества, и в этом заключен корень его будущих искушений. Вспомним, что он говорит Хохлаковым про старца Зосиму. «Мой друг уходит, **первый в мире человек**, землю покидает. Если бы вы знали, если бы вы знали, Lise, как я связан, как я спаян душевно с этим человеком!» (14; 201). Обратим внимание на эти слова — «**первый в мире человек**», а также на то, что эти слова Алеша говорит сразу же после своего признания, удивившего Лизу Хохлакову: «А я в Бога—то вот может быть и не верую» (Там же).

Затем, уже после смерти старца Зосимы и после ухода Алеши из монастыря, в его размышлениях о «тлетворном духе» и о событиях, связанных с этим, также появляется отсылка к Священному Писанию: «И вот тот, который должен бы был, по упованиям его, быть вознесен превыше всех в мире, — тот самый вместо славы, ему подобавшей, вдруг низвержен и опозорен! За что? Кто судил? Кто мог так рассудить? — вот вопросы, которые тотчас же измучили неопытное и девственное сердце его. Не мог он вынести без оскорбления, без озлобления даже сердечного, что праведнейший из праведных предан на такое насмешливое и злобное глумление столь легкомысленной и столь ниже его стоящей толпе» (14; 307).

Заметим, что мы не можем сказать, перед нами речь повествователя или же речь героя, — размышления Алеши переданы в форме несобственно-прямой речи, так что мы не можем отделить речь повествователя от речи Алеши. Это позволяет говорить о двойном значении этого текста, — с одной стороны, для старца Зосимы, о котором думает Алеша, и с другой — для самого Алеши.

Прочитированные выше слова отсылают к двум разным текстам Священного Писания. Во-первых, в них можно узнать воспоминание о распятии Христа, то есть о событии, когда, действительно, «Праведнейший из праведных», «Единый Безгрешный» был предан в руки грешников. Можно сопоставить текст Достоевского с определенной цитатой из Писания: «С терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнеочь и не ослабеть душами

вашими» (Евр. 12: 1–3). Итак, смерть старца Зосимы, с одной стороны, сопоставляется с распятием Христа, и мы можем говорить, основываясь на этом эпизоде, а также на некоторых других, что для смерти старца Зосимы оказывается фоновым образ распятия Христа.

При этом Алеша, мысли которого приводит повествователь, не узнает в смерти старца историю распятия Христа, хотя подходит к ней предельно близко, — и, следовательно, не вспоминает о распятии Христа. Замечу, что слова: «чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими» — вполне можно соотнести с душевным состоянием Алеши.

Во-вторых, слова: «И вот тот, который должен бы был, по упованиям его, быть вознесен превыше всех в мире, — тот самый вместо славы, ему подобавшей, вдруг низвержен и опозорен!» — также является отсылкой к Писанию, но к тексту противоположного содержания.³ Их можно сопоставить со словами пророка Исая о диаволе: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: „взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему“. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14: 12–15).

Итак, разбираемый отрывок содержит отсылку к двум разным текстам Священного писания: такое цитирование можно называть двойной или составной цитатой. О подобных контаминациях как об особом приеме у Достоевского писала Е.Г.Новикова: «Текст <...> организован за счет введения не одного, <...> а двух евангельских текстов одновременно»⁴.

Причины появления двойной цитаты в разных случаях могут быть разными. Так, Е.Г.Новикова считает, что этот прием «представляет собой акт экзегетики Достоевского», который «осуществляет свое толкование священного текста <...> опираясь при этом на другие столь же авторитетные тексты»⁵. Но в разбираемом случае можно предположить, что двойная цитата, как и форма передачи мыслей и чувств Алеши в форме несобственно прямой речи, позволяет нам говорить о двойном значении этого текста, для старца Зосимы и для Алеши. Для старца Зосимы, как я уже говорила, распятие оказывается тем образом, на фоне которого написана картина его смерти.

Но что же происходит с Алешей? Во-первых, он прилагает к старцу слова, которые могут относиться только к Богу — и это действительно служит причиной его искушений. Но при этом он не узнает в смерти старца историю распятия Христа, хотя подходит к ней предельно близко. И во-вторых, при таком отношении образ старца Зосимы — точнее, впрочем, не

³ За это указание я благодарю Т.А.Касаткину. Данная цитата подробно проанализирована в ее докладе «Литургические цитаты в романах Достоевского», прочитанном 21 мая 2006 г. на XXI Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность».

⁴ Новикова Е.Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст. Томск, 1999. С. 95.

⁵ Там же.

сам образ старца Зосимы, а преломление этого образа в глазах Алеши — пересекается с образом денницы. Причем, поскольку речь идет уже о переломе, о крушении веры Алеши в старца, то именно с образом падшего, низверженного денницы.

Таким образом, мы видим, что причину искушений Алеши можно связать с тем, что для него старец Зосима был соотнесен с Богом, и поэтому его смерть явилась именно для Алеши крушением веры в того, кого он в своем сознании делал подобным Всевышнему.

Поэтому особенно понятно становится, какими очищающими должны были прозвучать для Алеши слова старца в «Кане Галилейской»: «Я луковку подал, вот и я здесь». Он не «первый в мире человек», как говорит о нем Алеша Хохлаковым, а лишь «луковку подал». И после этого видения Алеша встает обновленным.